

Ранним утром следующего дня на росшей во дворе фиолетовой акации без умолку щебетали птицы. Слабый рассветный свет пробивался сквозь неплотно задернутый бирюзовый марлевый полог. Е Мянъ медленно проснулся. Он несколько раз открыл и закрыл глаза, прежде чем лениво сесть в постели. Немного посидев с припущенными, слегка припухшими веками, он вдруг схватил лежащую под рукой подушку-валик, с силой швырнул ее на постель и со злостью пнул в изножье.

Слуги, с раннего утра ждавшие за ширмой, услышали движение за пологом и поспешили войти, чтобы прислуживать.

Фэнцзинь дал ему сделать глоток медовой воды, чтобы промочить горло. Е Мянъ пару раз кашлянул и поднял руку, потирая все еще тяжелую голову. Фэнцзинь тут же передал чашку стоявшему рядом слуге и сам принялся мягко массировать ему голову.

После долгого массажа Е Мянъ слегка приподнял руку. Фэнцзинь помог ему подняться с постели и взял одежду, только утром окуренную благовониями хэлань, чтобы помочь ему одеться.

Стоя на коленях и расправляя полы его халата, Фэнцзинь украдкой взглянул на него снизу вверх. Заметив, что лицо молодого господина хмуро и выражает крайнее недовольство, он открыл было рот, но так и не осмелился спросить.

Но тут сам Е Мянъ отослал остальных слуг и спросил:

— Кто вчера ночью дежурил?

Фэнцзинь торопливо ответил:

— Не беспокойтесь, Четвертый молодой господин, только ваш слуга.

Е Мянъ с облегчением выдохнул и строго наказал:

— Не смей никому болтать об этом.

Фэнцзинь закивал с такой силой, будто чеснок в ступке толоч, и поспешил заверить в своей преданности:

— Да если бы даже старший молодой господин утащил вашего слугу в Судебный приказ Далисы на допрос, я и слова бы не проронил.

— Хорошо.

Заметив, что гнев молодого господина немного утих, Фэнцзинь осторожно поинтересовался:

— Хозяин, а из-за чего вы вчера вечером повздорили с князем?

Е Мянъ сердито зыркнул на него и прикрикнул:

— Я тебя еще ни о чем не спросил, а ты уже сам вопросы задаешь! Видел, что твой хозяин с кем-то сцепился, и даже не подумал помочь? Стоял и просто глазел, что ли?

Фэнцзинь опешил и обиженно оправдался:

— Но... ведь это вы его колотили, а князь только побои принимал.

— Как же ваш слуга мог еще и помогать... — надув губы, тихо буркнул Фэнцзинь.

Е Мяннь поперхнулся от возмущения. Вчера вечером он изрядно перебрал с вином. В общих чертах он понимал, что произошло, но подобные мелочи совершенно стерлись из памяти.

— Значит, если я кого-то бью, то и разнимать не надо? Твой хозяин был пьян! А если бы я не рассчитал силу и покалечил его? Представляешь, что бы тогда было! — не унимался Е Мяннь.

— Вы там внутри так неистовствовали, разве ваш слуга не пытался вас разнять? — затараторил Фэнцзинь. — Да только сам князь, которого вы оседлали и колотили, глазами показал мне не лезть, а потом и вовсе выставил за дверь. Ему самому, видать, по душе было побои терпеть, так зачем бы я со своей заботой лез на рожон?

Е Мяннь хмыкнул и больше ничего не сказал.

Фэнцзинь понимал, что у хозяина просто не задалось утро и он срывает на нем злость, не сердясь по-настоящему. Поэтому он ничуть не испугался, а принялся пересказывать забавные случаи, произошедшие вчера в усадьбе клана Лу, стараясь развеселить его.

Пока Фэнцзинь без умолку травил байки, он одновременно наклонился, чтобы прикрепить к лунно-белому поясу Е Мяння нефритовую подвеску и мешочек с благовониями. Вдруг снаружи донесся какой-то шум, сквозь который пробился тонкий, вкрадчивый голос евнуха Ся.

Е Мяннь и Фэнцзинь переглянулись, почувствовав неладное. Неужели он так сильно отделал князя, что теперь к нему пришли требовать ответа?

Е Мяннь в сопровождении Фэнцзиня вышел из-за ширмы. Евнух Ся и впрямь выглядел неважно; завидев Е Мяння, он натянул улыбку, которая вышла хуже плача. За его спиной толпились слуги, державшие в руках подносы со всяческой снедью.

Со вздохом велел слугам расставить завтрак на столе, евнух Ся усадил Е Мяння и внимательно осмотрел его лицо и руки. Убедившись, что кожа Е Мяння чиста и бела как нефрит, без единого синяка, он с облегчением выдохнул и сокрушенно произнес:

— Стоило вашему старому слуге на миг отвлечься, как вы, два сорванца, снова сцепились! Да как же на этот раз вас угораздило так жестоко обойтись друг с другом?

Е Мяннь с невозмутимым видом пригубил молочную рисовую кашу и лишь спустя какое-то время спросил:

— А где он сам?

— Из поместья Яньци прислали лекаря, сейчас прикладывают примочки в его дворе, — с сокрушенным видом пожаловался евнух Ся. — Четвертый молодой господин Е, послушайте совета вашего старого слуги: драться-то деритесь, но зачем же было лицо разукрашивать? Он едва прибыл в Яньци, как его уже изувечили. Если во дворце прознают, беды не миновать. Князь-то вас выгородил и скрыл ваше участие, но вот людям из поместья Яньци деться некуда — теперь они сидят с понурыми головами и ждут кары свыше.

Е Мяннь не успел и слова вымолвить, как Фэнцзинь горячо заступился за него:

— Наш молодой господин ни в чем не виноват! Это князь Жуннань первый полез в драку! Он... он еще и кусается!

Сегодня утром Фэнцзинь самолично видел багрово-синие следы у плеча своего господина, да еще и с явными отпечатками зубов. Разве приличные люди в драке кусаются? Тоже мне доблесть! Хм!

Евнух Ся остолбенел. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы переварить услышанное, после чего он торопливо выставил всех слуг вон и деликатно спросил Е Мяня:

— Сильно ли... сильно ли вас задело?

Фэнцзинь, воинственно задрав подбородок, выпалил вместо Е Мяня:

— У нашего хозяина кожа нежная, чуть где стукнется — синяк держится дня два! А уж от укуса след и за полмесяца не сойдет. Вот вернемся домой, и в нашей семье это дело тоже так просто не оставят!

После того как раздосадованный евнух Ся ушел, Е Мянью не стал дожидаться Чжуан Сюя. Наспех позавтракав, он попрощался с людьми из клана Лу и вместе со своими слугами поспешил обратно в столицу.

Когда они ехали сюда в составе свадебного кортежа, дорога заняла весь день, от рассвета до заката. Обратно же Е Мянью возвращался налегке с несколькими слугами, и на резвых конях они домчались всего за четыре часа.

Госпожа Цю как раз закончила обедать и сидела на широком ложе из резного черного дерева, попивая чай и беседуя с Цзян Наньчу, когда слуги доложили, что четвертый молодой господин вошел в усадьбу. На лице госпожи Цю отразилась радость, и она велела поскорее впустить его. Она собственноручно омыла ему лицо и руки, после чего принялась подробно обо всем расспрашивать. Выслушав рассказ Е Мяня обо всех обстоятельствах, госпожа Цю с облегчением вздохнула и тотчас отправила служанку к пятой наложнице, которая от тревоги не спала всю ночь, чтобы успокоить ее.

Госпожа Цзян, заметив его усталый вид, тут же велела приготовить для него еду и с укоризной проговорила:

— Прodelать такой долгий путь и вместо того, чтобы с удобством ехать в экипаже, нестись во весь опор на лошади!

Е Мянью сладко зевнул и беззаботно ответил:

— Погода сейчас чудесная, кому охота париться в душном экипаже.

Видя, как он утомлен, госпожа Цзян велела служанкам проводить его отдохнуть в боковую комнату, но Е Мянью лишь отмахнулся:

— Пусть лучше обед принесут во двор Баофэн. Я поем и лягу у себя. А у вас тут то и дело служанки да няньки с докладами бегают — шуму много, не усну нормально.

Госпожа Цю покачала головой и с улыбкой заметила:

— Он теперь взрослый стал, разве захочет сидеть у материнского подола? Отпусти его поскорее, не то еще прослышем навязчивыми.

Е Мянью рассмеялся, подольстился к госпоже Цю парой ласковых слов, и та с улыбкой

выпроводила его.

Инун из двора Баофэн еще тогда, когда Е Мянью только ушел в главный дом, распорядилась согреть на кухне воду и добавить в бочку для купания душистой орхидеи, чтобы смыть дорожную пыль и снять усталость.

Е Мянью не мылся со вчерашнего вечера, да к тому же этот мерзавец навалился на него и хорошенько искушал. Ощущая жуткую липкость и дискомфорт, он дважды дочиста вымылся в бочке и лишь тогда соизволил сесть за обед.

Пообедав, он дождался, пока высохнут волосы. К тому времени Баонянь со служанками уже прибрала внутренние покои, и Е Мянью, зевая и засыпая на ходу, забрался в постель.

Во дворе Ицуй со строгим лицом велела всем соблюдать тишину и приставила двух пожилых служанок следить за порядком: любого, кто посмеет заговорить в полный голос, ждало немедленное наказание. Старшие служанки тихо перебрались во внешние покои, оставив в спальне лишь одну опрятную маленькую служанку с косичками, чтобы та обмахивала хозяина веером. Лед из комнат уже убрали, а послеполуденный осенний зной стоял сухой и удушливый.

За последние пару дней Е Мянью изрядно вымотался, так что едва его голова коснулась подушки, как он забылся глубоким сном. Сквозь дрему до его слуха донеслось шептание служанок о том, что пришел отец, но сквозь сон он лишь отмахнулся от этой мысли, решив, что это грезы.

Заместитель министра Е был в парадном чиновничьем облачении — сразу видно, только воротился со службы. Жестом велел подняться перепуганным, побледневшим служанкам, он прошел в главные покои двора Баофэн.

Обойдя ширму, он увидел Е Мянью, который спал в одном исподнем. Тонкое зеленое одеяло с цветочным узором он не набросил на себя, а крепко обхватил руками и ногами, лежа на боку и смешно оттопырив зад.

Заместитель министра Е нахмурился и с досадой проворчал:

— Спит как попало, никакого благообразия.

Стоявшие рядом служанки затрепетали от страха.

Заместитель министра Е, должно быть, впервые заглянул в эти покои. Он окинул взглядом убранство, отчего его лицо сделалось еще более недовольным, и тихо спросил:

— Давно ваш хозяин уснул?

Инун держалась спокойнее остальных и почтительно ответила:

— Всего четверть часа назад.

Заместитель министра Е на мгновение задумался, покачал головой и направился к выходу, но случайно зацепил ногой стоявшую на полу ширму из ценных пород дерева.

Раздался негромкий стук, которого, однако, хватило, чтобы потревожить чуткий сон Е Мянью. Сонно приоткрыв глаза, он обомлел: прямо перед его постелью стоял заместитель министра Е.

<http://bllate.org/book/18289/1753900>